
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 342

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

Д.А. Степаненко¹, М.А. Мушинский²

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
23 октября 2018 г.

Дата принятия в печать
7 октября 2019 г.

Дата онлайн-размещения
31 октября 2019 г.

Ключевые слова

Понятие экстремизма;
противодействие экстремистской
деятельности; эффективность
противодействия экстремизму;
стратегическое планирование;
законодательство

Аннотация. Статья посвящена вопросам противодействия одному из негативных явлений в современной российской политико-правовой и социальной действительности — экстремизму. Несмотря на принимаемые в настоящее время меры, направленные на борьбу с проявлениями экстремизма, данная проблема сохраняет свою актуальность. Существует два взаимосвязанных фактора, которые препятствуют достижению высокого уровня эффективности противодействия экстремизму: 1) изъяны в системе источников права, а именно недостаточно полное стратегическое планирование, системные разрывы в антиэкстремистском законодательстве, слабая увязанность отдельных его элементов с нормативными правовыми актами смежных отраслей; 2) фактическое отсутствие легальной дефиниции базового понятия «экстремизм». В статье рассматриваются указанные факторы, приводятся рекомендации по повышению эффективности борьбы с экстремизмом. По мнению авторов, целесообразна разработка доктрины национальной безопасности РФ, составной частью которой должны стать теоретические основания противодействия разным видам экстремизма как одной из угроз национальной безопасности. Следующий шаг — создание на доктринальной базе концепции обеспечения национальной безопасности с соответствующим антиэкстремистским разделом. И только после этого — разработка стратегий по отдельным направлениям, в соответствие с которыми должно быть приведено законодательство. Авторы отмечают, что следует сформулировать легальное определение понятия «экстремизм», которое бы содержало его сущностные признаки и охватывало все основные проявления, и подчеркивают, что именно четко описанные, сведенные в дефиницию признаки явления должны лежать в основе осуществляемой судьями идентификации деятельности, организации, материалов как экстремистских. Поэтому правильным выходом представляется не отказ от юридической категории «экстремизм», а более четкое определение данной категории, обеспечение ее терминологической четкости и ясности, непротиворечивое отграничение ее от смежных юридических категорий, прежде всего от понятия «терроризм». Авторами предлагается рабочий вариант определения понятия «экстремизм».

THE EFFECTIVENESS OF COUNTERACTING EXTREMISM

Diana A. Stepanenko¹, Mikhail A. Mushinskiy²

¹ Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
2018 October 23

Accepted
2019 October 7

Available online
2019 October 31

Keywords

Concept of extremism; counteracting
extremist activities; effectiveness
of counteracting extremism; strategic
planning; legislation

Abstract. The article discusses the counteraction to one of the negative phenomena in modern Russian political and social landscape — terrorism. In spite of the measures that are currently taken against the cases of extremism, this issue remains urgent. Two interconnected factors reduce the effectiveness of counteracting extremism: 1) flaws in the system of sources of law, namely, insufficient strategic planning, systemic gaps in the anti-extremism legislation, weak links between its elements and the normative legal acts of relevant branches of law; 2) virtual absence of a legal definition for the basic concept of «extremism». The authors examine these factors and give recommendations on improving the effectiveness of counteracting extremism. According to them, it is necessary to develop a national security doctrine for the Russian Federation, whose integral part should be the theoretical basis of counteracting different types of extremism as one of the threats to national security. Next step would be to use this doctrinal base to develop the concept of ensuring national security, which will have an anti-extremism section. Only then should specific

strategies be developed, and the legislation should be adjusted in accordance with them. The authors note that it is necessary to formulate the legal definition of the concept of «extremism», which would include its essential features and encompass all major manifestations, and stress that clearly described features of the phenomenon, which are united within one definition, should form the basis that the judges use to identify some actions, organizations or materials are extremist. In this connection, the right solution is not the rejection of the legal category of «extremism», but its more precise definition, provision of terminological clarity and accuracy, its consistent separation from adjacent legal categories, primarily, from the concept of «terrorism». The authors present a working definition of the concept of «extremism».

Введение

Оценивая гуманитарные, технологические, информационные, экологические, экономические, политические, юридические достижения последних лет, часть которых с точки зрения значения и динамики имеет характер настоящего прорыва, можно утверждать: Россия вместе со всем мировым сообществом входит в новую эпоху своего развития. Наряду с положительными результатами поступательного движения вперед неизбежно возникают и отрицательные эффекты, новые вызовы обществу и государству. Это диалектика общественного прогресса. Задача политологов, экономистов, экологов, социологов, юристов, представителей других областей знания, политиков и активистов институтов гражданского общества — выработать и внедрить в социальные практики адекватные контрмеры, средства противодействия негативным явлениям и процессам, уменьшающие масштабы и вредоносность этих явлений и процессов, ведущие к их минимизации, а в идеале — к полному преодолению.

Одной из таких угроз — побочных негативных эффектов общественного развития — выступает экстремизм, имеющий место и в современной российской политико-правовой, социальной действительности. Несмотря на наличие определенных успехов на «антиэкстремистском фронте», в целом на сегодня противодействие экстремизму нельзя признать абсолютно эффективным. Как представляется, в юридической сфере можно выделить два взаимосвязанных негативных фактора, препятствующих достижению высокого уровня эффективности противодействия проявлениям экстремизма: 1) изъяны в системе источников права — недостаточно полное стратегическое планирование, системные разрывы в антиэкстремистском законодательстве, слабая увязанность отдельных его элементов с нормативными правовыми актами смежных отраслей; 2) фактическое отсутствие легальной дефиниции базового понятия «экстремизм».

Недостатки в системе источников права

Эффективность деятельности, мероприятия, той или иной осуществляемой публичной властью и обществом кампании в самом общем виде определяется как соответствие поставленной перед началом осуществления этой деятельности (мероприятия, кампании) цели фактически достигнутому результату. При сопоставлении цели и результата в каждом случае необходимо ввести поправку на затраты, имея в виду потери как чисто экономические, финансовые, так и затраты морально-этического свойства, репутационные, демографические, экологические и другие, с тем чтобы негативные эффекты не превзошли в итоге по своим масштабам положительный результат. Иначе об эффективности говорить не приходится.

В тех случаях, когда речь идет о деятельности, охватываемой понятием «противодействие негативному явлению», в качестве ожидаемого результата выступают, как правило, последовательные поэтапные блокирование, локализация и преодоление негативного явления с целью уменьшения его вреда для общества, а в идеале — полное его искоренение. Что касается способов и средств эффективного противодействия негативному социальному явлению, то они в большинстве своем имеют юридическую форму, но при этом — социологические, экономические, политологические, культурологические и даже философские основания. Этим научным основаниям должна соответствовать совокупность законов и подзаконных нормативных правовых актов, образующих законодательную базу противодействия, обеспечивающих для общества и государства эффективные юридические средства и создающих надежную нормативно-правовую основу для эффективной работы институтов гражданского общества, для взаимодействия органов публичной власти, общества и каждой отдельной личности, для правоприменительной практики и социальных практик.

Сказанное в полной мере относится к деятельности по противодействию экстремизму. Его нормативно-правовая основа — законодательство о противодействии экстремизму — должна иметь научные основания, строиться на комплексном социологическом, экономическом, культурологическом, юридическом, религиоведческом, психологическом и политологическом анализе этого сложного политико-социального и правового феномена — экстремизма — во всех его проявлениях. Итоги данной научной работы необходимо воплотить в форме доктрины. Выработанная государством (т.е. официальная) доктрина, в свою очередь, внедряется в соответствующий сегмент правовой политики и выражается в документах политико-правового характера. Эти документы (доктрины, концепции, стратегии) выступают в роли политико-идеологического источника права и служат основой для разработки формально-юридических источников (федеральных законов и иных актов законодательства). С учетом их положений создаются конкретные механизмы правового регулирования и организационно-правового противодействия, закладываются основы толерантности, формируются соответствующие социальные институты и публично-властные учреждения. В области противодействия экстремизму основными источниками права политико-идеологического содержания являются на сегодня Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в ст. 43 которой экстремизм называется среди основных угроз государственной и общественной безопасности¹, и Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года² (далее — Стратегия противодействия экстремизму).

Полагаем возможным утверждать, что система источников права в сфере противодействия экстремизму, а именно источники политико-идеологического характера и формально-юридические источники в их взаимосвязях и взаимодействии между собой, обладает существенными недостатками, и это негативно влияет на эффективность деятельности по противодействию экстремизму. В начале

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753. URL: <http://www.scrf.gov.ru>.

2000-х гг. на данную проблему обращал внимание В.В. Устинов — на тот момент генеральный прокурор РФ. Указывая на пробелы в федеральном законодательстве по вопросам противодействия экстремизму, он приводил примеры «опережающего нормотворчества» субъектов Федерации, что всегда свидетельствует о том, что проблема назрела. По его мнению, существовавшие в законодательстве недостатки не позволяли защитить российское общество от деструктивного воздействия проявлений экстремизма [1]. В последующие годы ситуация значительно улучшилась — был принят целый ряд соответствующих актов антиэкстремистского законодательства, однако в существенной его части — как в плане системности соответствующего сегмента законодательства, его логических связей с источниками политико-идеологического значения, так и в плане технико-юридического качества соответствующих правовых документов — дефекты остаются.

В частности, представляется неудачной и фактически неверной уже самая первая норма Стратегии противодействия экстремизму, в которой продекларировано, что Стратегия разработана в целях конкретизации положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»³ (далее — ФЗ о противодействии экстремистской деятельности). На наш взгляд, в данном случае допущена концептуальная ошибка, касающаяся соотношения стратегии как политико-правового документа и федерального закона как нормативного правового акта, пусть даже и обладающего высшей юридической силой. Очевидно, что стратегия, которая является документом политико-правового назначения и осуществляет функцию стратегического планирования, не относится к нормативным правовым актам, а поэтому не может конкретизировать положения закона. Наоборот, ее положения, основанные на официальной государственной доктрине, должны лежать в основе норм закона. Рассмотренный дефект, к сожалению, выступает типичным проявлением системного недостатка, имеющего место в архитектонике источников права современной России. Соответствующие проблемы нами были ранее проанализированы в публикациях, специально посвященных данным вопросам [2].

³ О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : (ред. от 23 нояб. 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Система стратегического планирования в Российской Федерации сегодня строится на положениях Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁴ и ряда других нормативных документов. В соответствии с ФЗ о противодействии экстремистской деятельности основные направления государственной политики в данной области определяются главой государства. На основе сопоставительного анализа норм названных законов и существующих практик представляется, что здесь должна быть предусмотрена следующая последовательность решений и действий:

1. Коллегиальный орган, ответственный за стратегическое планирование в сфере безопасности — Совет Безопасности РФ, при содействии администрации Президента РФ разрабатывает проекты соответствующих документов стратегического планирования, охватывающих, как правило, перспективу на период от 5 до 15 лет.

2. Президент РФ, выяснив с использованием существующих процедур согласованную волю законодательной и исполнительной ветвей власти, своими указами утверждает документы стратегического планирования, созданные на основе проектов Совета Безопасности РФ. В случае необходимости, если меняется обстановка, резко и неожиданно трансформируются угрозы безопасности, возрастают экстремистские и террористические угрозы, Президент РФ корректирует стратегические планы в ежегодных посланиях Федеральному Собранию РФ, которые мы также склонны отнести к документам стратегического планирования.

3. На основе и во исполнение стратегических установок, содержащихся в документах стратегического планирования, Федеральным Собранием РФ разрабатываются и принимаются федеральные законы.

4. Правительство РФ и федеральные ведомства, а затем и органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления издают подзаконные акты во исполнение антиэкстремистских законов.

5. Формируется правоприменительная, в том числе судебная, практика, которая при необходимости (и на основе мониторинга правоприменения) ложится в основу изменений,

⁴ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : (ред. от 30 окт. 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3378.

вносимых как в документы стратегического планирования, так и в акты законодательства.

«Таким образом, не стратегия должна конкретизировать положения федерального закона, а наоборот, федеральные законы и иные акты законодательства должны создаваться и изменяться с учетом направлений правовой политики и стратегических задач, определенных в документах стратегического планирования» [3].

Как представляется, последовательность создания документов — источников российского права политико-правового содержания — должна быть следующей: сначала доктрина, затем концепция и в завершение стратегия. Такой вывод сделан нами на основе анализа всего имеющегося массива подобных документов с учетом их юридической техники, статуса, взаимосвязей друг с другом, а также лингво-логического анализа самих терминов «доктрина», «концепция» и «стратегия». То есть первоначально вырабатывается научная часть — официальная доктрина, затем на ее основе создается концепция правового развития соответствующей сферы на долгосрочную перспективу, а уже в завершение разрабатывается стратегия, имеющая наиболее конкретное, но еще не нормативное содержание. Стратегии лежат в основе «тактик», т.е. разработки планов и проектов на краткосрочную перспективу, законотворчества и правоприменения. От «ступени к ступени» уменьшается степень абстрактности и возрастает уровень конкретности документов.

Соотношение доктрин, концепций и стратегий в современной России, к сожалению, даже близко не соответствует описанной выше конфигурации. Схемы в разных отраслях управления воплощаются абсолютно разные, единообразия отсутствует. В каждом конкретном случае выбор формы документа стратегического планирования зависит от видения группы сотрудников, готовящих этот документ.

Так, в 2016 г. указом Президента РФ была утверждена новая Доктрина информационной безопасности нашего государства. Наряду с прочим она имеет прямое отношение и к сфере противодействия экстремизму, поскольку в настоящее время экстремистские проявления все больше уходят в информационную среду, в Интернет, ставший сегодня наиболее массовой информационно-телекоммуникационной сетью, представляющей собой удобную информационную площадку для различных форм преступной деятельности, в том числе экстремистской [4]. В

п. 5 документа указано: «Настоящая Доктрина является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором развиваются положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵. Поскольку на основании ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 18) Стратегия национальной безопасности должна пересматриваться каждые шесть лет, то, стало быть, должна корректироваться и Доктрина информационной безопасности. Такой подход представляется нелогичным и в принципе неверным. «Доктрина, являющаяся официально выраженной, научно обоснованной позицией политического руководства государства по вопросам информационной безопасности, обоснованием фундаментальных начал осуществления государственной политики и законодательного регулирования в сфере безопасности, должна иметь определяющее значение и долгосрочный характер» [3]. Доктринальные воззрения не могут и не должны меняться постоянно, это грозит нестабильностью политической системы.

Полагаем, что в сфере противодействия экстремизму система источников политико-идеологического характера (иначе говоря, система документов стратегического планирования) должна быть выстроена в представленной выше логической последовательности: доктрина — концепция — стратегии. При этом концептуальные положения могут быть изложены в общем для всех угроз контексте национальной безопасности, а вот стратегии противодействия каждой из угроз национальной безопасности должны быть разработаны отдельно, в том числе в отношении терроризма и экстремизма. Что касается официально-доктринальных положений, то они в отношении экстремизма сегодня фактически вообще отсутствуют, какие-то фрагменты доктрины, отдельные научно обоснованные положения разбросаны по стратегиям. Это неправильно, поскольку экстремизм сам по себе является «антидоктриной», он отвергает либо искажает существующие легальные идеологии и научные воззрения о мироустройстве, поэтому для эффективного противодействия ему должна иметь место мощная, целостная

⁵ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

идеологическая и научная основа. В соответствующем начальном документе стратегического планирования необходимо последовательно изложить доктринальный фундамент противодействия экстремизму, используя для этого прежде всего ценностный потенциал Конституции РФ. Отсутствие внятной доктринальной основы противодействия экстремизму вооружает экстремистов, дает им возможность обвинить конструктивные силы гражданского общества и органы публичной власти в попрании плюрализма как основы конституционного строя, в борьбе с инакомыслием, в предвзятости оценок, в политической цензуре.

Справедливости ради отметим, что не всегда эти обвинения со стороны оппозиции лишены оснований. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ указал в своем постановлении (а постановления Пленума, как известно, всегда основаны на анализе практики, на обширном эмпирическом материале): «При рассмотрении уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов (основ конституционного строя, целостности и безопасности Российской Федерации), а с другой — защиту гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина: свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование»⁶. Несмотря на то что высшая судебная инстанция России в данном случае оперирует категорией «интерес», на самом деле речь здесь идет не только о законных интересах, но и о конституированных ценностях. Иными словами, в процессе осуществления государственно-властной деятельности по противодействию экстремизму могут возникнуть не только конфликты интересов, но и противоречия более высокого порядка — между зафиксированными в тексте Конституции РФ социально-правовыми ценностями. Под знаменем борьбы с экстремизмом не должен нарушаться прин-

⁶ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 : (ред. от 3 нояб. 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

цип идеологического и политического многообразия. По сути дела, ч. 1 и 2 ст. 29 Конституции РФ призваны в корреляции между собой стать конституционно-правовой основой для разрешения в конкретных ситуациях, в том числе в процессе противодействия экстремизму, неизбежного аксиологического конфликта: гарантируя свободу мысли и слова, Основной закон в то же время запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. В данном случае важно найти золотую середину, а для этого нужна четкая официальная доктрина.

На сегодняшний день в России запрещена деятельность 62 экстремистских и 27 террористических организаций, из которых религиозных — более 20 [5, с. 63]. К сожалению, базирующиеся на конституционных максимумах доктринальные основы противодействия не всегда четко сформулированы и объяснены. Однако в связи с тем что в процессе противодействия экстремизму происходит проникновение в такие деликатные сферы, как вера и религия, национальная самоидентификация, личные и групповые идеалы и т.п., применять административные запреты (выделяемые некоторыми авторами в качестве основного средства борьбы с проявлениями экстремизма [6; 7]) и ограничения, а тем более уголовную репрессию, нужно очень тщательно и взвешенно. Также необходимо понимание того факта, что причины, побуждающие человека к экстремистской деятельности, являются сугубо индивидуальными и выходят за рамки любого нормативного документа. В зарубежной литературе приводится целый ряд факторов, влияющих на процесс радикализации: демографические дисбалансы [8], социальные и политические стигматизации [9], лишение гражданских прав [10], религиозная дискриминация и преследования [11; 12], психологические факторы [13], социальное отчуждение [14; 15] и многие другие факторы как на микро-, так и на макроуровне, однако сам термин «радикализация» при широком своем использовании остается плохо определенным [16; 17].

В качестве примера недооценки доктринальных основ противодействия экстремизму можно привести введение в 2015 г. в ФЗ о противодействии экстремистской деятельности ст. 3.1 «Особенности применения законодатель-

ства РФ о противодействии экстремистской деятельности в отношении религиозных текстов». Данной нормой в числе прочего установлено, что не могут быть признаны экстремистскими материалами Библия, Коран, Танах и Ганджур, а также их содержание и цитаты из них⁷.

Содержание и логические основания рассматриваемого положения антиэкстремистского законодательства в целом понятны. В норме содержится перечень главных религиозных текстов четырех мировых религий. Эти четыре религии объединяют в своей совокупности большую часть верующих россиян. Тем не менее доктринальный (с элементами религиоведческого) анализ новеллы позволяет сделать вывод о заложенном в ней опасном конфликтогенном потенциале. При определенных обстоятельствах она способна, вопреки своему предназначению, спровоцировать экстремистские акции. Во-первых, выделение в качестве основных каких-либо религий, объявление приоритета соответствующих религиозных книг перед другими религиозными текстами в условиях светского государства не должно иметь место. Это нарушает права представителей других религий. Во-вторых, с точки зрения религиоведческого анализа писанных источников того или иного учения изложенный в норме перечень тоже не отличается корректностью, так как он неточен и неполон. В-третьих, с принятием данной нормы из-за ее недостаточной доктринальной подготовленности возникли противоположные риски — возможность маскировки реально экстремистских материалов, создание условий для того, чтобы обойти антиэкстремистские запреты с помощью цитат из священных книг традиционных религий и ссылок на них. Как показывает судебная практика, такие попытки уже предпринимаются, в частности представителями направления «Свидетели Иеговы». Детальный анализ нормы, подтверждающий изложенный вывод, предпринят нами в одной из публикаций [3].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что настоятельной необходимостью на сегодня является совершенствование системы источников права политико-идеологического характера в области национальной безопасности. При этом неотъемлемой частью системы обеспечения национальной безопасности выступа-

⁷ О внесении изменения в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон от 23 нояб. 2015 г. № 314-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 48, ч. 1. Ст. 6680.

ет противодействие экстремизму, что должно найти свое отражение в доктринальном обосновании и стратегическом планировании.

Первым из предлагаемых нами документов должна стать доктрина национальной безопасности РФ, в которую в качестве составной части войдут научные основания противодействия различным проявлениям экстремизма. В настоящее время такой документ в правовой системе России отсутствует. Особо деликатно и тщательно в разделе доктрины, посвященном экстремизму, должна быть обоснована официальная позиция в отношении вопросов веры и религий, сформулированы доктринальные основания противодействия религиозному экстремизму. Проблемы противодействия экстремизму в предлагаемом документе должны быть согласованы с принципом идеологического плюрализма, со свободой совести и с доктриной светского государства, что позволит ему в дальнейшем стать научно-правовой основой: 1) для согласования антиэкстремистского законодательства с законодательством о свободе вероисповедания и религиозных организациях; 2) для судебной и административной практики.

Вторым документом должна стать концепция обеспечения национальной безопасности с включенным в нее антиэкстремистским разделом. Все положения концепции должны базироваться на научно-официальных воззрениях, изложенных в доктрине. И только после этого можно осуществлять разработку стратегий по отдельным направлениям обеспечения национальной безопасности и противодействия деструктивным явлениям — угрозам национальной безопасности, в том числе разработку стратегии противодействия экстремизму. С учетом положений концепции и стратегий разрабатываются национальные планы, правовые программы, корректируется законодательство, нарабатывается судебная и иная правоприменительная практика.

Фактическое отсутствие легальной дефиниции базового понятия «экстремизм»

Ни в основном нормативном правовом акте, призванном выступить в качестве законодательной основы системы противодействия экстремизму, — ФЗ о противодействии экстремистской деятельности, ни в одном другом акте законодательства нет четкого определения понятия (легальной дефиниции) рассматриваемого явления, которое содержало бы его сущностные при-

знаки. Законодатель в данном случае применил распространенный, к сожалению, прием юридической (законодательной) техники — вместо четкого определения понятия охарактеризовал явление через обширный перечень его возможных проявлений (см. п. 1 ст. 1 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности). Этот перечень достаточно эклектичен, далек от идеала с точки зрения логики (как общей, так и юридической) и русского языка. Например, первый абзац перечня относит к экстремизму «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации». Не призывы к этим действиям, а сами эти действия! Как представляется, данное описание больше подходит к такому составу преступления, как вооруженный мятеж (ст. 279 УК РФ), можно увидеть здесь и элементы диспозиции нормы, зафиксированной в ст. 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», и (при наличии определенных условий) проявления терроризма. Нельзя признать оправданной такую широкую трактовку экстремизма, при которой терроризм и фактический силовой, нелегитимный захват власти входят в нее. Это деяния, тесно связанные с экстремизмом, иногда отчасти пересекающиеся, но не охватываемые им. Экстремизм является идеологической основой терроризма и антигосударственного мятежа, экстремисты могут пропагандировать насильственный захват власти, обосновывать его, призывать к насилию в отношении органов публичной власти и их представителей. Но сами по себе насильственные акции — это уже деяния, выходящие за рамки экстремизма в его юридическом понимании. Это терроризм либо государственный переворот, подлежащие самостоятельной (отличной от юридической квалификации экстремизма) юридической квалификации.

Это наше утверждение противоречит правовой позиции, выраженной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11, в п. 19 которого террористическая деятельность признается разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма). Понимаем, что в данном случае Пленум, не имея оснований для изменяющего объем толкования, исходил из буквы закона, адекватно истолковал соответствующую фразу законодательного акта. С учетом того значения, которое на сегодня име-

ют положения постановлений Пленума (а они, вопреки романо-германской правовой доктрине, по своему значению фактически приближаются к источникам права), это влечет за собой самые серьезные последствия. Однако, по нашему убеждению, учитывая не только букву, но и дух закона, данное положение закона требуется скорректировать: явления экстремизма и терроризма не совпадают между собой, и уж тем более первое из названных явлений не поглощает второе. После изменения фразы в федеральном законе соответствующим образом необходимо будет изменить и процитированную позицию в постановлении Пленума.

Небесспорен и второй абзац перечня — «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» (курсив наш. — Д. С., М. М.). Из этой фразы можно сделать вывод, что публичное оправдание терроризма является видом террористической деятельности, что вряд ли можно признать верным. Между непосредственно терроризмом (совершением актов террора) и экстремизмом, частным проявлением которого является оправдание террористической деятельности, на наш взгляд, нельзя ставить знак равенства.

К сожалению, можно констатировать, что присутствующая в российских законодательных и правоинтерпретационных актах неразбериха в трактовках экстремизма и терроризма в их взаимосвязях во многом воспринята из актов международного права. Так, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом под терроризмом понимается совершение деяний, указанных в одном из перечисленных там международных договоров и признанных преступлением в уголовных законах каждой из стран-участниц, например захват воздушных судов, захват заложников, акты насилия в аэропортах, организация взрывов в местах массового скопления людей (бомбовый терроризм), а также «любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы за-

пугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» (курсив наш. — Д. С., М. М.). В то же время экстремизм в документе определяется следующим образом: «Какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»⁸. Как можно заметить, в данном акте международного права явление экстремизма, во-первых, практически не увязано с явлением терроризма: это два достаточно разных по целям, да и по формам совершения, направления насильственной противоправной деятельности. Во-вторых, здесь фактически отсутствует указание на идеологический и информационный аспекты, под экстремизмом понимается не идеология, а насильственные действия, совпадающие с понятиями «государственный переворот», «мятеж», «насильственное изменение конституционного строя», а также деятельность незаконных вооруженных формирований. Очевидно, что такая международно-правовая трактовка экстремизма значительно отличается от его понимания в соответствии с действующим законодательством России. Вероятно, это связано с тем, что процитированная Конвенция имеет практически исключительно уголовно-правовой характер, заключена с целью взаимной помощи по уголовным делам, для организации сотрудничества в области предупреждения, выявления и пресечения соответствующих преступных деяний.

В России же юридическая категория «экстремизм» имеет более широкий характер, выходит далеко за рамки уголовного права. Огромное значение имеют административно-правовой, властно-организационный и информационно-правовой ее аспекты. В частности, деятельность организации может быть признана экстремистской и, соответственно, запрещена в административном порядке без возбуждения уголовного дела. Таким образом, понимание экстремизма в контексте ФЗ о

⁸ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : заключена в Шанхае 15 июня 2001 г. // Собрание законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

противодействию экстремистской деятельности существенно отличается от его понимания в контексте Шанхайской конвенции, в которой, в частности, вообще не заявлены такие проявления экстремизма, как националистическое (расистское) и религиозное. Это обстоятельство, безусловно, добавляет еще больше путаницы в правовое регулирование, поскольку Конвенция ратифицирована Россией со всеми вытекающими юридическими последствиями. Тем более что в других международно-правовых актах встречаются иные трактовки экстремизма. Так, в резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» № 1344 указано: «Независимо от своей природы экстремизм представляет собой форму политической деятельности, явно или исподволь отрицающую принципы парламентской демократии и основанную на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультра национализма»⁹. Подход совсем другой, нежели в Шанхайской конвенции.

В принципе, исходя из истории развития понятия «экстремизм», ему действительно можно придать предельно широкое значение — как любые крайние, радикальные взгляды, проявления нетерпимости к оппонентам в любой сфере, факты физической расправы с инакомыслящими, в том числе и попытки насильственного захвата власти путем террора, запугивания и реального уничтожения властей предержащих [18, с. 15–20]. При такой трактовке терроризм действительно становится лишь одним из проявлений экстремизма наряду со множеством других явлений. Очевидно, что в таком случае экстремизм необходимо вообще вывести из числа собственно юридических категорий, оставив за ним значение категории политической, отчасти историко-культурологической, отчасти морально-этической. Однако в случае такого решения в той части понятийно-категориального аппарата российской юриспруденции, которую сейчас занимают связанные с экстремизмом понятия и категории, равно как и в той части механизма правового регулирования, которую сейчас образуют правовые средства противодействия экстремизму, появятся трудноисполнимые бреши. В первую очередь это

касается правового регулирования, осуществляемого в соответствии с нормами ФЗ о противодействии экстремистской деятельности. Поэтому правильным выходом представляется не отказ от юридической категории «экстремизм», а более четкое определение данной категории, обеспечение ее терминологической четкости и ясности, непротиворечивое отграничение ее от смежных юридических категорий, прежде всего от понятия «терроризм».

В Стратегии противодействия экстремизму это явление обоснованно признается одной из наиболее сложных проблем российского общества, что обусловлено многообразием его воплощений, неоднородным составом экстремистских организаций, несущих угрозу национальной безопасности РФ. Вместе с тем официальная (легальная) точка зрения по данному вопросу выражена нечетко, в законодательстве имеет место очевидная путаница, что может привести, во-первых, к следственным и судебным ошибкам в части квалификации преступлений, а во-вторых, к межведомственным разногласиям, поскольку противодействие экстремизму и терроризму «распределено» по разным федеральным ведомствам — соответственно МВД и ФСБ. Помимо этого, реестр террористических организаций ведут органы безопасности, а экстремистских — Минюст России. При этом научные и практические работники отмечают, что в решении задачи эффективного противодействия экстремизму и его предупреждения важная роль принадлежит органам прокуратуры [19; 20], однако в ст. 4 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности органы прокуратуры в числе субъектов противодействия такой деятельности не упоминаются.

Также необходимо обратить внимание на различность ведомственных подходов. Так, анализ нормативных документов СК России показывает, что в данном ведомстве большее внимание уделяется не политическому, а националистическому блоку проявлений экстремизма, мерам «по противодействию проявлениям фашизма, любых форм расовой дискриминации, национализма, антисемитизма и ксенофобии»¹⁰. Антитеррористический же механизм вообще имеет более сложную организационную структуру, которая включает, по-

⁹ Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе : резолюция Парламент. ассамблеи Совета Европы № 1344 : (принята 29 сент. 2003 г.). URL: <http://www.coe.ru>.

¹⁰ О мерах по противодействию экстремистской деятельности [Электронный ресурс] : приказ Следств. ком. РФ от 12 июля 2011 г. № 109 // СПС «Консультант-Плюс».

мимо названных ведомств, Федеральную службу войск национальной гвардии, пограничные органы, специфичные коллегиальные органы — Национальный антитеррористический комитет, антитеррористические комиссии и оперативные штабы¹¹. Такая сложная институциональная структура противодействия деструктивному явлению требует четкого определения границ данного явления, его соотношения со смежными явлениями, чего мы не наблюдаем.

Так, в п. 1 дефинитивной нормы, выраженной в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», дано следующее понятие: «Терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Из этого можно заключить, что явление терроризма образует только соответствующая идеология, обязательно соединенная с насильственными практиками (террористическими актами или как минимум подготовкой к их совершению), проявившаяся в этих действиях. Однако подп. «е» п. 2, помимо непосредственной подготовки и осуществления актов террора, пособничества в этих действиях (в том числе их финансирования), относит к террористической деятельности «пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности»¹². Сравним это определение с уже цитировавшейся дефиницией из ст. 1 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности: экстремистская деятельность (экстремизм) — это насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ, а также публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность. Круг замкнулся, соотношение явлений экстремизма и терроризма непонятно. Не случайно, по-видимому, даже в официаль-

ных документах органы государственной власти РФ вслед за международными организациями предпочитают писать о «противодействии терроризму и экстремизму» одновременно, не разделяя их. Однако о том, что эти два взаимосвязанных явления не совпадают между собой и должны быть различены, говорит хотя бы даже сам факт наличия двух самостоятельных федеральных законов, посвященных вопросам противодействия каждому из них.

Справедливости ради отметим, что за годы существования антиэкстремистского и антитеррористического законодательства определенная работа по отграничению соответствующих явлений друг от друга, а также от других смежных явлений была проведена. Так, в начальной редакции ФЗ о противодействии экстремистской деятельности таковая трактовалась чрезвычайно широко. Под нею понимались, в частности, деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его деятельности либо из мести за нее. После принятия в 2006 г. ФЗ «О противодействии терроризму» часть деяний, отличающихся с объективной стороны активными насильственными действиями и повышенной общественной опасностью, была исключена из ФЗ о противодействии экстремистской деятельности и перенесена в антитеррористический закон. Кроме того, отдельные отличительные штрихи в части уголовно-правовых проявлений экстремизма и терроризма добавлены Верховным Судом РФ. В частности, в упоминавшемся уже постановлении Пленума 2011 г. указано: «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в силу предписаний части 3 статьи 17 УК РФ подлежат квалификации не по статье 280 УК РФ, а в зависимости от обстоятельств дела по части 1 или части 2 статьи 205.2 УК РФ»¹³. Однако четкой и окончательной юридической дифференциации двух явлений так и не последовало, а Пленум, как уже указывалось, назвал терроризм разновидностью экстремизма.

¹¹ О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму : указ Президента РФ от 26 дек. 2015 г. № 664 : (ред. от 7 дек. 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52, ч. 1. Ст. 7591.

¹² О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : (ред. от 6 июля 2016 г.) // Там же. 2006. № 11. Ст. 1146.

¹³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11.

Еще одним недостатком перечня п. 1 ст. 1 ФЗ о противодействии экстремистской деятельности является то, что использованные в нем средства юридической техники не позволяют четко определиться, является ли он исчерпывающим или нет, со всеми вытекающими отсюда последствиями. С одной стороны, в последнем абзаце перечня стоит не точка, а точка с запятой. С другой стороны, отсутствует фраза типа «и другие», прямо заявляющая перечень открытым.

Вместе с тем именно четко описанные, сведенные в дефиницию признаки явления должны лежать в основе осуществляемой судьями идентификации деятельности, организации, материалов как экстремистских. Закон о противодействии экстремистской деятельности, задуманный как стержневой акт, должен обеспечивать всем отраслям законодательства соответствующее официальное понятие. К сожалению, в нынешней своей редакции закон эту свою функцию, на наш взгляд, не выполняет.

Заключение

Осуществив совместно с рядом соавторов исследование понятийного ряда антиэкстремистского и антитеррористического законодательства, соответствующих норм уголовного закона, судебных правовых позиций и мнений ученых, полагаем возможным предложить в качестве рабочей версии следующее определение. «Экстремизм (экстремистская деятельность) — это базирующиеся на экстремистской идеологии, элементы которой перечислены в ст. ... настоящего закона, умышленные действия, посягающие на зафиксированные в Конституции Российской Федерации социально-правовые ценности, направленные против основ конституционного строя, государственных институтов или (и) институтов гражданского общества, безопасности и правопорядка, препятствующие достижению гражданского единства, межнационального и межконфессионального мира и согласия, способствующие возникновению или обострению социальных конфликтов, нарушающие права и свободы личности либо препятствующие исполнению личностью ее обязанностей и общественного долга, посягающие на законные интересы физических или юридических лиц, общественных организаций, целенаправленно формирующие в публичном пространстве идеологическую основу:

– для терроризма;

– для совершения преступлений, направленных на воспрепятствование нормальной деятельности органов публичной власти, элементов правоохранительной системы и институтов гражданского общества;

– для совершения преступлений, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, дезинтеграцию государства, насильственное отделение и обособление частей территории государства;

– для совершения преступлений, связанных с социальной, расовой, национальной или религиозной рознью и нетерпимостью, для возбуждения ненависти и вражды, унижения человеческого достоинства в связи с расовой, этнической, иной социальной или религиозной принадлежностью, равно как создающие условия, организационные возможности для совершения в дальнейшем вышеуказанных преступлений, а также направленные на вовлечение граждан в экстремистскую деятельность».

И далее, в следующей статье закона, необходимо дать перечень наиболее характерных действий, совершаемых в рамках экстремистской деятельности: оправдание, агитация, пропаганда, производство и распространение материалов, проведение мероприятий, создание экстремистского сообщества и руководство им, участие в нем, склонение, вербовка, финансирование и т.д. При этом перечень в новой редакции нужно сформировать исходя не из признака базовой идеологии и целей экстремистов, а из сугубо объективных признаков — это должно быть описание типичных способов и форм совершения экстремистских действий. Таким образом, перечня должно быть два, в двух разных статьях закона: один посвящен субъективному моменту — компонентам экстремистской идеологии, а второй объективному — способам и формам совершения экстремистских действий [21].

Как формулировка, так и конструкция предлагаемой новеллы имеют предварительный характер, они еще требуют дополнительных обсуждений и доработки. Наше предложение преследует именно эту цель — инициировать обсуждение, которое приведет к пониманию обозначенных в статье проблем и к стремлению их разрешить. Ведь от качества антиэкстремистского законодательства зависит его эффективность, а в конечном итоге — эффективность противодействия экстремизму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устинов В.В. Создать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма / В.В. Устинов // Российская юстиция. — 2003. — № 1. — С. 52–54.
2. Мушинский М.А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М.А. Мушинский // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 488–499.
3. Мушинский М.А. Стратегическое планирование противодействия экстремизму / М.А. Мушинский, Д.А. Степаненко // Социальная компетентность. — 2016. — Т. 1, № 2. — С. 42–52.
4. Бутенко А.С. Организационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по противодействию экстремизму в сети Интернет / А.С. Бутенко // Юристы-Правоведы. — 2018. — № 2 (85). — С. 183–190.
5. Борисов С.В. Противодействие деструктивным религиозным организациям в целях обеспечения национальной безопасности / С.В. Борисов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2018. — № 1 (63). — С. 58–65.
6. Кириленко В.П. Проблемы борьбы с экстремизмом в условиях информационной войны / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев // Управленческое консультирование. — 2017. — № 4 (100). — С. 14–30.
7. Анисимов Р.Ю. Нормативно-правовое регулирование в сфере противодействия экстремизму в государствах — участниках СНГ / Р.Ю. Анисимов // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 1 (41). — С. 126–130.
8. Bakker E. The OSCE's Efforts to Counter Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Comprehensive Approach Addressing Root Causes? / E. Bakker, E. Kessels // Security and Human Rights. — 2012. — Vol. 23, № 2. — P. 89–99.
9. Bakker E. EU Counter-Radicalization Policies: A Comprehensive and Consistent Approach? / E. Bakker // Intelligence and National Security. — 2015. — Vol. 30, № 2-3. — P. 281–305.
10. Brown K. Radicalization and Counter-Radicalization at British Universities: Muslim Encounters and Alternatives / K. Brown, T. Saeed // Ethnic and Racial Studies. — 2015. — Vol. 38, № 11. — P. 1952–1968.
11. Greenberg K. Counter-radicalization via the Internet / K. Greenberg // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. — 2016. — Vol. 668, № 1. — P. 165–179.
12. Shirazi R. When Schooling Becomes a Tactic of Security: Educating to Counter «Extremism» / R. Shirazi // Studies of Migration, Integration, Equity, and Cultural Survival. — 2017. — Vol. 11, № 1. — P. 2–5.
13. Mirahmadi H. Building Resilience against Violent Extremism: A Community-Based Approach / H. Mirahmadi // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. — 2016. — Vol. 668, № 1. — P. 129–144.
14. Bowman-Grieve L. A Psychological Perspective on Virtual Communities Supporting Terrorist & Extremist Ideologies as a Tool for Recruitment / L. Bowman-Grieve // Security Informatics. — 2013. — Vol. 2, № 9. — P. 1–5.
15. San M. van. Ideals Adrift: An Educational Approach to Radicalization / M. van San, S. Sieckelink, M. de Winter // Ethics and Education. — 2013. — Vol. 8, № 3. — P. 276–289.
16. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories / R. Borum // Journal of Strategic Security. — 2011. — Vol. 4, № 4. — P. 7–36.
17. Iannaccone L.R. Religious Extremism: The Good, the Bad, and the Deadly / L.R. Iannaccone, E. Berman // Public Choice. — 2006. — Vol. 128, iss. 1-2. — P. 109–129.
18. Профилактика экстремизма и формирование толерантности в молодежной среде : учеб. пособие / под ред. М.А. Мушинского. — Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2016. — 128 с.
19. Борисов С.В. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодежной среде / С.В. Борисов, Д.В. Вазгурин // Законность. — 2013. — № 4 (942). — С. 9–14.
20. Мариничева А.Ю. О прокурорском противодействии экстремизму / А.Ю. Мариничева // Уголовная юстиция. — 2018. — № 12. — С. 188–121.
21. A study of extremism as a complex inter-branch concept / V. Melnikov, M. Cherkasova, A. Seregin [et al.] // Humanities & Social Sciences Reviews. — 2019. — Vol. 7, № 4. — P. 72–79.

REFERENCES

1. Ustinov V.V. To Create a Nation-wide System of Prevention and Suppression of Extremism. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2003, no. 1, pp. 52–54. (In Russian).
2. Mushinskii M.A. Strategies, Concepts, and Doctrines in the Legal System of the Russian Federation: Problems of Status, Legal Technology and Their Interrelations. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2015, no. 9, pp. 488–499. (In Russian).
3. Mushinskiy M.A., Stepanenko D.A. Strategic Planning of Countering Extremism. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*, 2016, vol. 1, no. 2, pp. 42–52. (In Russian).
4. Butenko A.S. The Organizational Ensuring of the Interaction of Law Enforcement Bodies with Public Associations on Counteraction to Extremism on the Internet. *Yurist'-Pravoved' = Lawyer-Legal Scholar*, 2018, no. 2 (85), pp. 183–190. (In Russian).
5. Borisov S.V. Counteraction to Destructive Religious Organizations in Order to Ensure National Security. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2018, no. 1 (63), pp. 58–65. (In Russian).
6. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. The Problem of Countering Violent Extremism in the Information War. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2017, no. 4 (100), pp. 14–30. (In Russian).
7. Anisimov R.Yu. Struggle against Extremism: Laws and Bylaws for This Purpose Operated by Member Nations of the Commonwealth of Independent States. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2017, no. 1 (41), pp. 126–130. (In Russian).
8. Bakker E., Kessels E. The OSCE's Efforts to Counter Violent Extremism and Radicalization that Lead to Terrorism: A Comprehensive Approach Addressing Root Causes? *Security and Human Rights*, 2012, vol. 23, no. 2, pp. 89–99.

9. Bakker E. EU Counter-Radicalization Policies: A Comprehensive and Consistent Approach? *Intelligence and National Security*, 2015, vol. 30, no. 2-3, pp. 281–305.
10. Brown K., Saeed T. Radicalization and Counter-Radicalization at British Universities: Muslim Encounters and Alternatives. *Ethnic and Racial Studies*, 2015, vol. 38, no. 11, pp. 1952–1968.
11. Greenberg K. Counter-radicalization via the Internet. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2016, vol. 668, no. 1, pp. 165–179.
12. Shirazi R. When Schooling Becomes a Tactic of Security: Educating to Counter «Extremism». *Studies of Migration, Integration, Equity, and Cultural Survival*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 2–5.
13. Mirahmadi H. Building Resilience against Violent Extremism: A Community-Based Approach. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2016, vol. 668, no. 1, pp. 129–144.
14. Bowman-Grieve L. A Psychological Perspective on Virtual Communities Supporting Terrorist & Extremist Ideologies as a Tool for Recruitment. *Security Informatics*, 2013, vol. 2, no. 9, pp. 1–5.
15. San M. van, Sieckelink S., Winter M. de. Ideals Adrift: An Educational Approach to Radicalization. *Ethics and Education*, 2013, vol. 8, no. 3, pp. 276–289.
16. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*, 2011, vol. 4, no. 4, pp. 7–36.
17. Iannaccone L.R., Berman E. Religious Extremism: The Good, the Bad, and the Deadly. *Public Choice*, 2006, vol. 128, iss. 1-2, pp. 109–129.
18. Mushinskii M.A. (ed.). *Profilaktika ekstremizma i formirovanie tolerantnosti v molodezhnoi srede* [Prevention of extremism and development of tolerance among young people]. Irkutsk National Research Technical University Publ., 2016. 128 p.
19. Borisov S.V., Vagurin D.V. Supervision over Implementation of Laws on Combating Extremism in the Sphere of Youth. *Zakonnost' = Legality*, 2013, no. 4 (942), pp. 9–14. (In Russian).
20. Marinicheva A.Yu. On the Prosecutor's Counteraction to Extremism. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2018, no. 12, pp. 188–121. (In Russian).
21. Melnikov V., Cherkasova M., Seregin A., Stepanenko D., Mushinskiy M., Stepanenko R. A study of extremism as a complex inter-branch concept. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 72–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степаненко Диана Аркадьевна — профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Мушинский Михаил Адеилович — доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: mushinskiy@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Степаненко Д.А. Эффективность противодействия экстремизму / Д.А. Степаненко, М.А. Мушинский. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815 // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 5. — С. 803–815.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanenko, Diana A. — Professor, Chair of Criminalistics, Forensic Expertise and Legal Psychology, Institute of State and Law, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Mushinskiy, Mikhail A. — Ass. Professor, Chair of Jurisprudence, Irkutsk National Research Technical University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: mushinskiy@mail.ru.

FOR CITATION

Stepanenko D.A., Mushinskiy M.A. The effectiveness of counteracting extremism. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 5, pp. 803–815. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).803-815. (In Russian).